

— Если хочешь научиться, у меня есть книга, — Фэн Цяньсюэ поднялся и достал из шкафа свиток «Лихань цзюэ». — Сперва почитай сам, а если что-то останется непонятным, я попрошу старшего брата-соученика обучить тебя.

— Договорились, — Се Жэнь убрал свиток в мешочек цянькунь, спрятанный в рукаве. — Мы условились: как только я смогу отделить духовный огонь, тебе придется признать, что я весьма хорош.

Фэн Цяньсюэ кивнул в знак согласия. Он так и не понял, почему этот вопрос настолько важен, что Се Жэнь заводит о нем речь снова и снова, а потому лишь заметил:

— Я заметил, что вещи, о которых ты печешься, всегда довольно странные.

Се Жэнь налил ему пиалу супа и с притворной непринужденностью произнес:

— Но ведь ты мне тоже небезразличен. Это тоже странно?

Фэн Цяньсюэ ответил:

— Люди, которым я небезразличен, исчисляются множеством.

От этих слов Се Жэнь снова вспомнил Цзюина в городе Ую. К тому же он как раз отправил в рот кусочек холодной закуски: выдержанный уксус из его родных краев отозвался на языке такой кислинкой, что есть расхотелось вовсе. Он отложил палочки и дотошно переспросил:

— Днем Цзюин говорил, будто Ло Мэйшэн спрятал тебя в своем сердце и никому не желает показывать. Что он имел в виду?

Фэн Цяньсюэ качнул головой:

— Я и сам не знаю. Впрочем, та голова пролежала под землей больше тысячи лет и выглядела не слишком сообразительной, так что могла наплести глупостей.

Се Жэнь, конечно, в это объяснение не поверил. Он продолжал пристально смотреть на Фэн Цяньсюэ, и чем дольше смотрел, тем красивее тот ему казался. И не просто красивым, а изысканным, неземным, словно юный небожитель. И хотя большую часть времени от него веяло прохладой, это не была равнодушная отстраненность, отгородившаяся от всего света. Скорее, он напоминал кота, греющегося на солнышке у стены после полудня: с виду гордого и недоступного, а на ощупь — мягкого и теплого. А уж если прижать его к себе... Ох!

Фэн Цяньсюэ стукнул его по голове кончиком палочки:

— Не смей на меня наваливаться!

Се Жэнь скривил губы:

— Раз уж ты такой красивый, что плохого, если я немного на тебя обопрюсь?

— Если красивый, значит, обязательно давать на себя опираться? — недовольно возразил Фэн Цяньсюэ. — Ты тоже красив, но я же не наваливаюсь на тебя.

Се Жэнь расхохотался:

— Так ты находишь меня красивым? Ну так прислоняйся! Опирайся как душе угодно, хоть так,

хоть этак.

С этими словами он широким и щедрым жестом раскрыл объятия — делай, мол, что хочешь. Фэн Цяньсюэ не собирался связываться с этой обезьяной, возбужденной так, будто объелась дурманного снадобья, а потому поднялся и пересел на противоположную сторону стола:

— Если наелся — уходи и не мешай мне ужинать.

Се Жэнь вскинул бровь, взял кувшин, наполнил кубок вином и уже собрался заговорить, но, подняв глаза, запнулся.

Чувства Фэн Цяньсюэ были чрезвычайно остры, так что он сразу уловил замешательство юноши напротив. Однако слушать новые истории о Ло Мэйшэне, Цзюине и о том, кто на что способен, ему совершенно не хотелось, поэтому он бросил:

— Замолчи!

Се Жэнь:

— ...

— Скажешь хоть слово, — добавил Фэн Цяньсюэ, — и вечером будешь читать «Сутру очищения сердца и постижения Дао» на один час дольше.

Се Жэнь обмакнул палец в вино и начертил на столе: «Одно предложение. Я скажу всего одно предложение».

Но Фэн Цяньсюэ не поддался.

В итоге все оставшееся время Се Жэнь сидел с выражением лица, в котором мешались глубокая меланхолия, трепетная забота и страстное желание устроить переполох. Дождавшись, пока Фэн Цяньсюэ доест последний кусок, он наконец произнес:

— Когда ты пересел, то забыл прихватить с собой свою посуду и палочки.

Взгляд Фэн Цяньсюэ медленно опустился на стол:

— ...

Се Жэнь отшатнулся назад, готовый в любой миг дать деру:

— Да я оттуда отпил-то всего пару глотков, считай, все совершенно новое! К тому же я ничем не болен... Эй-эй, это же покушение на родного... Не бей меня!

Схватив меч, он вылетел в окно.

Фэн Цяньсюэ ступил на подоконник — чтоб его бесы побрали!

Се Жэнь стремительно летел на мече, со смехом прорезая небеса среди сотен парящих механических экипажей и заставляя тучи светляков рассыпаться искрящимися звездами. Люди на летающих платформах, приняв двух юных заклинателей в белых одеждах за соревнующихся мечников, с восторгом зааплодировали. Се Жэнь на лету схватился за гирлянду звездных флажков и, оттолкнувшись, ловко опустился на крышу самой высокой беседки:

— Какой же ты несправедливый! Кто запретил мне издавать хоть звук?

Фэн Цяньсюэ указал на него пальцем:

— У тебя хватило времени нарисовать на столе черепах, золотых рыбок, кур, уток, гусей и обезьян, но не нашлось возможности написать одну строчку, чтобы предупредить меня?

— А я-то думал, ты смотришь строго перед собой, — удивленно восхитился Се Жэнь. — Выходит, ты все это время украдкой подглядывал за мной?

Фэн Цяньсюэ:

— ...

Видя, что тот молчит, Се Жэнь вовремя решил умерить пыл, подошел ближе и спросил:

— Да я просто хотел развлечь тебя, ты правда разозлился?

Фэн Цяньсюэ развернулся, намереваясь уйти, но Се Жэнь ни за что бы его не отпустил. Он протянул руку и перехватил его запястье:

— Эй, я же пошутил только что.

Фэн Цяньсюэ обернулся и посмотрел на него.

Се Жэнь сказал:

— Я знаю, что ты не любишь пользоваться чужим и брезгуешь мной, поэтому, как только ты пересел, я сотворил несложное заклинание и поменял приборы местами. Ты вовсе не ел из моей посуды, правда! Честное слово.

Он поднял руку, говоря с самым серьезным видом, а улыбался так открыто и обаятельно, что злиться на него было невозможно. Фэн Цяньсюэ едва заметно опустил веки и отвернулся:

— Я тобой не брезгую.

Се Жэнь крепче сжал его запястье, не выпуская:

— Ну раз уж мы здесь... давай посидим немного?

Среди парящих механизмов располагались винные лавки, чайные и смотровые площадки, однако они никуда не пошли. Юноши уселись бок о бок прямо на крыше беседки, любуясь раскинувшейся вдалеке россыпью звезд. Мимо изредка проплывали тонкие нити облаков, несущие ночную сырость. Се Жэнь позвал его:

— Придвинься ближе, а не то вымочишь одежду.

Фэн Цяньсюэ вообще-то любил прохладу и плохо переносил жару, но этим вечером, видимо из-за того, что сразу после ужина мчался на мече и наглотался холодного ветра, почувствовал зябкость. Он сказал Се Жэню:

— Одолжи мне руку.

Се Жэнь протянул руку:

— Зачем?

— Согрей ее.

Се Жэнь взрастил на ладони алое пламя:

— Так достаточно?

Фэн Цяньсюэ прижал его теплую ладонь к своему животу, чувствуя, как неприятные ощущения утихают:

— Вполне.

Се Жэнь:

— ?

Он застыл без движения. В голове царил сумбур, и он сам не понимал, радоваться ему или печалиться. Печалиться следовало оттого, что будь у Фэн Цяньсюэ к нему хоть капля романтических чувств, он вряд ли со столь естественным видом стал бы прижимать его руку к себе; а радоваться — тому, что готовность сойтись так близко говорила о том, что для него Се Жэнь все же отличался от прочих.

Тепло его тела под ладонью казалось немного прохладным, поэтому Се Жэнь просто притянул его к себе в объятия, обхватив сзади и согревая его живот, а затем поставил барьер, укрыв их от резкого высокого ветра. В конце концов, разве в ухаживаниях главное не смелость, внимательность и толстокожесть? Он твердо решил: пока Фэн Цяньсюэ не сопротивляется, он будет продвигаться вперед шаг за шагом... или, если быть чуть увереннее, милей за милей!

Оказавшись в его объятиях столь неожиданно, Фэн Цяньсюэ изумленно обернулся, однако увидел лишь Се Жэня, уставившегося строго вдаль. И голос юноши прозвучал даже как будто с досадой:

— Не вертись, а то желудок разболится!

Фэн Цяньсюэ хотел что-то сказать, но осекся — главным образом потому, что его поразило преисполненное безупречной праведности выражение лица юноши. Он повернулся обратно и спустя какое-то время произнес:

— Похоже, твое сердце бьется очень часто.

Се Жэнь:

— ...

Барьер задерживал ветер и одновременно собирал ароматы благовоний с их одежд. Се Жэнь не придавал этому значения: все ученики академии Чанцэ пользовались глубоким сандаловым ароматом, успокаивающим дух и очищающим разум. В шкафу же Фэн Цяньсюэ лежали саше из сотни цветов, чьи благоухания менялись от сезона к сезону. Обычно неуловимый, сейчас этот аромат ощущался особенно отчетливо.

Се Жэнь слегка запрокинул голову, думая про себя: «Пропал я».

А Фэн Цяньсюэ к этому моменту уже уснул. Теплые объятия, подобные мягкому одеялу,

помогли изгнать холод из живота, да и сандаловый аромат располагал к отдыху. Усталость после сражения с Цзюином лишь сейчас настигла его, разлившись по всему телу: исцеление души, управление железным тигром — все это потребовало от него невероятных духовных сил, выжав до капли. У Се Жэня не поднялась рука разбудить его, и он дождался, пока толпа на механических кораблях поредает, а город Чуньтаньчэн погрузится в тишину. Лишь тогда он аккуратно поднял спящего спутника и вернулся вместе с ним на постоянный двор «Хэ Фэйфэй».

На следующее утро, когда еще не рассвело, у постоянного двора причалила небольшая механическая лодка. Ли Хуань сказал:

— Это господин Мэй прислал за нами.

Се Жэнь откусил кусочек паровой булочки:

— Куда спешить, пусть подождет.

Ли Хуань не понял:

— Пусть господин Мэй и поступил глупо в деле Цзы Ин, но он не злой человек. К тому же он позвал нас, чтобы обсудить Цзюина. Почему ты так на него досадуешь?

Се Жэнь ответил:

— Я на него не досаую. Я просто хочу, чтобы он поспал подольше.

Ли Хуань не уловил скрытого смысла и не догадался, что два «он» в этой фразе относились к абсолютно разным людям, а потому продолжил упрячиться:

— Раз господин Мэй прислал машину, значит, сам давно встал.

Се Жэнь сунул ему в руки пирожок, а сам взял подготовленный слугой поднос со второй порцией завтрака и поднялся вверх. Не успел он постучать, как дверь отворилась и вышел Фэн Цяньсюэ. Се Жэнь подбежал к нему:

— Держи, выпей горячей каши.

Фэн Цяньсюэ отступил на шаг:

— Зачем пить горячую кашу в такую погоду?

<http://bllate.org/book/18374/1766319>